

DOI 10.37386/2305-4077-2024-2-116-127

Л. Г. Каяниди¹*Смоленский государственный университет (Смоленск)***В. С. Пономаренко²***Смоленский государственный университет (Смоленск)*

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ ДЕРЕВЬЕВ В РАМКАХ СЮЖЕТНОГО ТИПА 1877* «ЧЕЛОВЕК В ДУПЛЕ»

Статья посвящена анализу семантики деревьев в анекдотической сказке. Материалом исследования послужили русские и белорусские сказки. В статье применена методика фреймового анализа сказочного мотива и сюжета, предложенная С. Ю. Неклюдовым. Сказочный тип 1877* представляет собой фрейм, состоящий из шести слотов: блуждание в лесу, перемещение на дерево, заточение в дупле, дровосеки, контакт с дровосеками, освобождение. Семантика сказки тесным образом связана с мифологией деревьев. Пребывание героя в дереве осмысливается как временная смерть. Это обуславливает предметный мир сказки, в рамках которого деревья обретают такие предметно-бытовые алломорфы, как бочка, сундук, улей, корыто, а герой сопоставляется с пчелой.

Ключевые слова: сказка «Человек в дупле», семантика деревьев, фреймовый анализ, народная мифология

L. G. Kayanidi*Smolensk State University (Smolensk)***V. S. Ponomarenko***Smolensk State University (Smolensk)*

SEMANTICS AND FUNCTIONS OF TREES WITHIN THE FRAMEWORK OF THE PLOT TYPE 1877* «BOY IN THE HOLLOW TREE»

The article is devoted to the analysis of the semantics of trees in an anecdotal fairy tale. The research material was Russian and Belarusian fairy tales. The article uses the technique of frame analysis of the fairy tale motif and plot, proposed by S.Yu. Neklyudov. The fairy tale type 1877* is a frame consisting of six slots: wandering in the forest, moving to a tree, imprisonment in a hollow, lumberjacks, contact with lumberjacks, liberation. The semantics of the fairy tale is closely related to the mythology of trees. The hero's stay in the tree is interpreted as a temporary death. This determines the objective world of the fairy tale, within which trees acquire such household allomorphs as a barrel, a chest, a beehive, a trough, and the hero is compared with a bee.

Key words: the fairy tale «The Man in the hollow», semantics of trees, frame analysis, folk mythology

¹ Леонид Геннадьевич Каяниди – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета (Смоленск).

² Пономаренко Валерия Сергеевна – студент 2 курса филологического факультета Смоленского государственного университета (Смоленск).

Современная российская фольклористика вступила в эпоху обобщающих исследований. Систематизация затрагивает разные уровни фольклора: сюжетнику, мотивику, образный строй и т.д. Наиболее значительный вклад в типологию сказочных сюжетов вносят работы В. Е. Добровольской [Добровольская, 2019; Добровольская, 2022] и С. Ю. Неклюдова [Неклюдов, 2023а; Неклюдов, 2023б]; опыт структурно-семиотической систематизации сказочных сюжетов предложен Л. Г. Каяниди [Каяниди, 2017; Каяниди, 2020].

Цель нашего исследования – рассмотреть семантику деревьев в рамках сказочного типа СУС 1877* «Человек в дупле» в её соотношении со структурными особенностями сюжета. Выбор данного сказочного типа обусловлен тремя обстоятельствами. Во-первых, его можно отнести к одному из недостаточно изученных сказочных типов. Об этом свидетельствует отсутствие упоминания АТУ/СУС 1877 в немецкой «Энциклопедии сказки». Во-вторых, сказка «Человек в дупле» отмечена значимыми структурно-семантическими трансформациями образов деревьев, которые бросают новый свет на понимание их значения в сказочном нарративе. В-третьих, компактность сказочного материала позволяет проследить характер этих структурно-семантических трансформаций.

Деревья – давний объект изучения фольклористов. Наиболее значимые исследования в этой области принадлежат В. Маннгардту, Дж. Фрэзеру, В. Я. Проппу, Е. В. Аничкову, Т. А. Агапкиной, И. А. Швед. В этих исследованиях представлен богатейший материал, позволяющий осмыслить значение и роль деревьев в традиционной культуре различных народов. Особенностью нашего подхода является рассмотрение специфики деревьев в сказочном контексте. Такая оптика позволяет выявить ранее ускользавшие от внимания исследователей особенности сказочного дендрария.

В СУСе³ тип 1877* получает такое описание: «Человек в дупле: проваливается в дупло дерева; пугает человека, желающего срубить это дерево; тот убегает, оставив лошадь». Данный тип представлен также в АТУ⁴ под названием «Boy in the Hollow Tree», где он получает более обстоятельное и конкретизированное описание: «A young man plunges into (hides in) a hole in a tree. Woodcutters come to take the tree down. The young man speaks from inside the tree. This frightens them so that they run away, leaving their equipment (bread, horse) behind». В АТУ и в СУСе по-разному обозначается причина, по которой герой оказывается в дупле (проваливаться – *plunge*, «бросаться», *hide*, «прятаться»); в АТУ указывается причина страха дровосеков: они пугаются голоса, доносящегося изнутри дерева (The young man speaks from inside the tree. This frightens them); а также указывается, что дровосеки могут оставить не только лошадь, но и хлеб.

Рассмотрение сказочного материала позволяет составить более подробную мотивную схему сюжета 1877*.

³ Здесь и далее СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка.

⁴ Здесь и далее: АТУ – The types of international folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson by Hans-Jörg Uther: 3 vols. Helsinki, 2004.

При составлении мотивной схемы сказочного сюжета мы опираемся на теорию, предложенную Неклюдовым. Он различает в структуре сказочного сюжета и мотива три уровня: фрейм, слоты и фасетные значения [Неклюдов, 2023а, с. 36]. Сказочный сюжет или мотив понимается как фрейм, т.е. ячеистая структура, состоящая из набора слотов – константных структурно-семантических элементов, общих для данного фрейма. Слоты – обобщенные элементы сказки, которые заполняются фасетными значениями, представляющими собой конкретные семантические единицы.

Так, тип 1877* может быть рассмотрен как фрейм, состоящий из шести слотов, наполненных определенными фасетными значениями. Слоты мы будем обозначать цифрами, а их фасетные значения – указывать в скобках.

1. Блуждание в лесу (герой направляется на заработки, бежит от преследователей, выходит в лес после заточения в бочке, уходит после выслуги у чертей, находится над лесом, так как его несут журавли);

2. Перемещение на дерево (герой лезет на дерево, чтобы переночевать, посмотреть «жило», поймать белку или дятла, спрыгивает с журавлей на дерево, спасаясь от них);

3. Заточение в дупле;

4. Дровосеки (приходят люди, которые рубят дерево на дрова, либо на улей, либо на корыто);

5. Контакт героя с дровосеками (дерево падает, герой выскакивает и кричит, отчего люди пугаются и оставляют лошадь, которую герой использует далее в своих целях);

вслед за слотом (3) может следовать сразу слот (6):

6. Самостоятельное освобождение (герой застревает руками, ногами и головой в дереве, вспоминает о наличии в деревне топора, бежит в деревню, возвращается и освобождает себя самостоятельно)⁵.

Деревья занимают в рамках сюжета 1877* ключевое место. Описание деревьев в большинстве текстов содержит указание на его гигантские размеры и толщину: «стоит тойста больша хота» [Карнаухова, 2009, с. 213]; «осина была двойчатка толстая» [Смирнов, 1917: с. 529]. Обширные размеры обосновывают, почему герой проваливается в дерево. Нередко дерево имеет два ствола и именуется «рогатиной» или говорится «дерево с росохом на двое» [Никифоров, 1961, с.123, с.135]. Двуствольность в сказках объясняется способом влезания на дерево: «хотел между суков встать» или герой хочет взяться за стволы руками, когда падает с журавлей.

Примечательно, что в рамках 1877* деревья индивидуализированы, имеют конкретные названия, и только в трех текстах они обозначены родовым име-

⁵ При наличии этого слота в сюжете сказка относится и к типу СУС 1882А, который получает описание: «Человек сам выкапывает себя из болота или вырубает из дупла: идет в деревню за лопатой (топором) и пр.»

нем. Герой чаще всего проваливается в осину, в дуб, липу или сосну («хонгу»). В традиционной славянской культуре эти деревья становятся материалом для изготовления гроба. Он преимущественно бывает дубовым, липовым и сосновым [Усачева, 1995, с. 554]. Осиновый же, как указано у Агапкиной, предназначается заложным покойникам, колдунам – людям, связанным с нечистой силой вообще [Зеленин, 1995, с. 48, 53; Агапкина, 2019, с. 231]. Примечательно, что простейший улей делали из того же древесного материала, что и гробы: липы и дуба, иногда из сосны и осины [Гура, 2012, с. 364]. Гроб и улей имеют принципиальное значение для предметного мира сказки о человеке в дупле.

Слоты (3) и (4) генетически восходят к временной смерти героя: пребывание в дупле – аналог смерти. Тема смерти эксплицирована в сказке. Герой переживает ее приближение: «Просидел он тут трое суток, не евши, и думает, что уже смерть» [Иваницкий, 1890, с.195]; «Вот теперь погинул!» [Соколовы, 1981, с. 149]; «Как стал, да в пенек-от бухтырь на низ. Инде выставились: в пеньке свили от сучьев, у меня оцарапило бока и локти у рук. Тогда я скаялся, что смерть валит и валит».⁶ Само дерево предстает в сказке аналогом гроба. Родство гроба и дерева объясняется похоронной обрядностью. Так, например, в средневековые гробы выдалбливали из цельного ствола дерева [Усачева, 1995, с. 553].

Алломорфом временной смерти предстает заточение героя лесными разбойниками внутри деревянной бочки, лагуна, в отдельном случае – в сундуке (это заточение предшествует попаданию героя в дупло): «Они и говорят: – Посмотрим в сундуке, в тряпочках нет ли денег? Когда я наклонился туда, они сграбили меня в этот сундук, закрыли пробой, палочкой заторнули, там и остался я. Сижу, дожидаясь, думаю: “Вот теперь я пропал”» [Молдавский, 1958, с. 287]. Заточение героя в сундуке или бочке является аналогом его пребывания в дупле. Тут мы сталкиваемся с тем, что Неклюдов называет дисперсным распределением мотивов. Один и тот же слот (3) «Заточение в дупле» оказывается представлен с помощью разных фасетных значений, которые генетически связаны с мифологемой временной смерти и актуализируют в рамках сказочного сюжета соответствующие смыслы. Дупло, сундук, бочка – аналоги гроба. При этом герой обязательно освобождается из такого гроба – за временной смертью следует воскресение.

В 1877* отразились анимистические представления о духах деревьев. Герой ведет себя, как дух дерева, дом которого повреждает человек с топором: «Ох, ты! Мой дом рубит! Я тебе дам, постой-ка!» [Иваницкий, 1890, с.195]. Дровосеки опасаются духа в дереве, слышат его голос, но полагают, что он им только чудится: «“Ой, дедушка! По шейке!” Я кричу в дубе. – Они и говорят: “Ой, Бог с тобой, маницца”» [Зеленин, 1915, с. 138]. «Дерево является не телом, а

⁶ Гура, В. В. Сказки. Песни. Частишки Вологодского края / В. В. Гура. – 1965. – № 34 (Сказка про охоту). – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/ska/zky/pes/nyc/has/tus/hky/17.htm#74> (Дата обращения: 28. 12. 2023).

только пристанищем духа дерева, который по желанию может его покидать или возвращаться» [Фрэзер, 2001, с. 87]. «Перемещаться из мира живых в мир мертвых могут только души, которые не принадлежат ни к одному из этих миров. То есть они пребывают в среднем мире, который выступает в роли чистилища, лимба, зазеркалья. Таким миром в пространственной модели мироустройства, которую отражает дерево в сказке, является ствол» [Пономаренко, 2023, с. 5–6].

Тип 1877* сохраняет примечательную деталь, которая лишней раз акцентирует пребывание героя в дупле как временную смерть: дровосеки, испугавшись героя, выходящего из дупла, оставляют рядом с деревом коня, которым герой пользуется после освобождения. Исследования литовских представлений о загробном мире показывает, что конь является алломорфом дерева как посмертного пристанища человеческой души: «Літоўцы верылі, што Бог не пасылае грэшнага чалавека адразу ў пекла, але загадвае перш адпакутаваць на Зямлі і найперш усоўвае яго душу ў дрэва; іншыя людзі перакідаюцца ў коней» [Бераснявічус, 2020, с. 41].

В традиционной культуре дерево является медиатором между мирами: «Праз асіну як праз канал сувязі паміж тым і гэтым светам дэструктыўныя сілы тагасвету трапляюць у чалавечы свет праз яе ж выпраўляюцца з чалавечага свету» [Швед, 2022, с. 221]. Дупло в 1877* выступает аналогом портала между мирами: через него герой проникает из мира живых в мир мертвых, и обратно. В случае с бочкой, лагуном, сундуком функцию портала выполняет отверстие в этих полых предметах. К этому списку нужно отнести и болото, которое может появляться в типе СУС 1882А. В горизонтальном пространственном измерении болото есть то же самое, что дупло – в вертикальном. И то и другое сохраняет общую мифологическую природу – вход в иной мир.

Стоит обратить также внимание на поведение героя в дупле, когда дерево рубят. Герой передвигается внутри дерева, изворачивается, чтобы его конечности не задел топор или пила: «А вот, – говорят, – пустое дерево, надо срезать. Резали, резали, стали до ног подрезать. Я понемногу на локти поднимусь, а заморюсь – стану на пилу. Тогда они говорят: – Зажало ветерком. Надо клин вбить. Покуда они клин вбивают – я отдохну, да на локтях опять подтянусь. Срезали они осину, повалилась осина; она валится, а я прикорчиваюсь, ниже опускаюсь. Когда упала, остался я на пню...» [Молдавский, 1958, с. 288]. Движения, совершаемые героем, в реальности почти невозможны в рамках узкого пространства, в особенности когда мы имеем дело с такими узкими деревьями, как осина или сосна. Тип 1877* подтверждает одно наблюдение П. Флоренско-го: «Пустота лжереальности всегда почиталась народной мудростью свойством нечистого и злого. Вот почему как немецкие предания, так и русские сказки признают нечистую силу пустою внутри, корытообразной или дуплообразной, без станового хребта» [Флоренский, 1993, с. 30]. Таким образом, сказочный герой, заключенный в полое пространство и передвигающийся внутри ствола, демонстрирует свою нечеловеческую природу.

Сидя в дереве, герой может уподобляться пчелам: «Какой-то мужик пошел, да и колонул по дупле обухом. А пастух и забучал (загудел, зашумел)⁷, будто что улей» [Иваницкий, 1890, с. 195]. В этом эпизоде, на наш взгляд, отражаются поверья, в которых душа предстает в облике пчелы [Гура, 1997, с. 454]. Известно также, что это насекомое выполняет роль посредника между мирами [Гура, 1997, с. 452]. Дерево, дупло, пчела – все это укладывается в единый комплекс представлений о временной смерти сказочного героя.

Сказочные сюжеты типа 1877* являются небылицами, которым свойственен абсурд. Алогизм наиболее четко просматривается в белорусских сказках, где герой, находясь в дупле, отправляется в деревню за топором, возвращается назад в лес и освобождает себя с его помощью: «Лезу я ўтое дупло головою – неўлез... лезу рукой – неўлез, ногою – неўлез, як же кинуўся ўсिम целом – ўлез. Поеў я тые дзятлы... Лезу назад головою невылез, – рукою – невылез, – ногою – невылез; кинуўся всем целом – невылез. Тогды я згануў, що ў хаці за лавою сокіерчинка стырчить. Побег я до хаты, взяў тую сокіерчинку, вырубай ў дуби дзерку и вылыз» [Шейн, 1893, с. 251]. События в сказке нарочитым образом противоречат здравому смыслу. Абсурдность ситуации объясняется статусом героя, который связан с миром мертвых или с нечистой силой и способен совершать ирреальные и экстраординарные действия.

Специфической чертой русских сказок 1877* является то, что избавление героя из полого дерева связано с изготовлением предметов обихода, таких, как улей и корыто: «Дошел и до этого пенька мужик, поколотил и чует, что он полой, говорит себе: “Вот на дупля-то ладен”»⁸, «... подходит мужик к этой осине и с топором. “Ах, говорит, штука какая! Сколько можно осьминок наделать, сколько дуплянок!”» [Смирнов, 1917, № 187, с. 529]. Из этих примеров видно, что рубка дерева происходит по причине того, что оно годно под улей (дуплю). Этот мотив не является случайным, он вписывается в общий мифологический контекст 1877*. Улей – аналог гроба, а пчелы, которые находятся в улье, мыслятся зооморфной формой духов умерших. Так, улей становится в один ряд с полым деревом, бочкой и сундуком и предстает очередным алломорфом, который репрезентируют мир мертвых.

К этой семантической цепочке относится и корыто. В сказке из сборника Зеленина два брата решают срубить полый дуб, чтобы изготовить корыто: «Давай, брат, срубим етот дуб! Будёт крыто...» [Зеленин, 1915, с. 138] Корыто связано с важными обрядовыми практиками, в частности с похоронами Костромы: «... женщины и девушки одевают чучело в сарафан и рубаху, голову повязывают и убирают цветами, на ноги одевают башмаки и, убрав таким образом Кострому,

⁷ Толкование слова по Словарю русских народных говоров. Вып. 9 / Под ред. Ф. П. Филина. – Ленинград: Наука, 1972. – С. 287.

⁸ Гура, В. В. Сказки. Песни. Частушки Вологодского края / В. В. Гура. – 1965. – № 34 (Сказка про охоту). – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/ska/zky/pes/nyc/has/tus/hky/17.htm#74> (Дата обращения: 28. 12. 2023).

и девушки и женщины кладут ее в корыто» [Шейн, 1898, с. 369]. Чучело Костромы клали в корыто, как в гроб, и совершали поминально-обрядовые действия.

Для белорусских сказок характерна одна специфическая особенность. Второй слот 1877* «Перемещение на дерево» содержит фасетное значение «поймать белку или дятла». Охота на белку мотивирована желанием ее убить и продать на шкуры. Охота на дятла происходит по причине того, что герой голоден и хочет дятла съесть. Мифологическая семантика этих живых существ позволяет осмыслить их роль в сказочном сюжете. Так, белка наделена огненной символикой. В известной степени эта символика мотивирована рыжей окраской беличьего меха, которая характеризуется как огненная или опаленная. Согласно восточнославянским и польским приметам, белки, появляющиеся вблизи жилья, бегающие по огородам, по крышам домов, забегающие в город или появляющиеся в большом количестве в лесу, предвещают чаще всего пожар [Гура, 1997, с. 252]. Народное сознание также наделяет дятла огненной символикой. В известной степени она мотивирована ярко-красной окраской верхней части головы дятла [Гура, 1997, с. 714]. Огненная семантика животных, за которыми влезает на дерево герой, позволяет говорить о том, что он следует за огнем. Это связано со случаями, в которых влезание героя на дерево подкрепляется желанием найти «жило». Отсюда следует, что огонь, являясь свойством жилого дома, предстает как в собственной форме, так и в зооморфной. Таким образом, мотив влезания на дерево обозначает следование за огнем. После этого герой проваливается в дупло, которое, как говорилось выше, репрезентирует мир мертвых, а значит, герой, как дух, благодаря влезанию на дерево находит путь в иной мир.

Выводы

Сказку 1877* «Человек в дупле» можно представить, как фреймовую структуру, состоящую из шести слотов, имеющих фасетные значения.

Деревья играют важнейшую роль в данном сказочном типе: они присутствуют в пяти из шести сюжетных слотов. Это обусловлено тематикой сказки, непосредственно связанной с миром деревьев.

Хотя «Человек в дупле» относится к анекдотическим сказкам, небылицам, она оказывается насыщена мифологическим содержанием, которое манифестируется с помощью деревьев. В сказке отражается представление о временной смерти героя, путешествии в иной мир.

Деревья семантически взаимосвязаны с предметным миром сказки. Алломорфами деревьев в разных слотах выступает бочка, сундук, улей, корыто. Объединяет их мотив временной смерти и взаимосвязь с похоронной обрядностью; все они выступают в качестве фасетного наполнения третьего и четвертого слота сказочного сюжета.

Дерево связано в сказке с огнем. Это проявляется в попытках героя смотреть огонь, жилье с вершины дерева, а также в следовании за животными, являющимися зооморфной формой огня: белкой и дятлом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Агапкина, Т. А.** Деревья в славянской народной традиции: Очерки / Т. А. Агапкина. – Москва: Индрик, 2019. – 656 с.
2. **Березкин, Е. Ю.** Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог / Е. Ю. Березкин, Е. Н. Дувакин. – URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (29. 12. 2023).
3. **Гура, А. В.** Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – Москва: Индрик, 1997. – 912 с. (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования).
4. **Гура, А. В.** Улей / Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 5 / Под общей ред. Н. И. Толстого / А. В. Гура. – Москва: Международные отношения, 2012. – С. 364–367.
5. **Гура, В. В.** Сказки. Песни. Частушки Вологодского края / В. В. Гура. – 1965. – № 34 (Сказка про охоту). – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/ska/zky/pes/nyc/has/tus/hky/17.htm#74> (28. 12. 2023).
6. **Добровольская, В. Е.** Сюжет «Дух в голубом свете» в русской сказочной традиции: между фольклорной сказкой и авторским творчеством / В. Е. Добровольская // Проблемы исторической поэтики. – 2022. – Т. 20. – № 2. – С. 113–136.
7. **Добровольская, В. Е.** Сюжет АТУ 510В «Peau d’asne» / СУС 510В «Свиной чехол» в русской сказочной традиции / В. Е. Добровольская // Традиционная культура. – 2019. – Т. 20. – № 1. – С. 20–30.
8. **Зеленин, Д. К.** Великорусские сказки Вятской губернии / Д. К. Зеленин. – Петроград: Тип. А. В. Орлова, 1915. XLIV. – 640 с.
9. **Зеленин, Д. К.** Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки / Д. К. Зеленин. – Москва: Индрик, 1995. – 432 с.
10. **Иваницкий, Н. А.** Материалы по этнографии Вологодской губернии / Н. А. Иваницкий // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / Под редакцией Н. Харузина. – Москва: Типография А. Левенсон, 1890. – II, [4], 234, 12, [2] с.
11. **Карнаухова, И. В.** Сказки и предания Северного края / В записях И. В. Карнауховой, Вступит. статья Т. Г. Ивановой. – Москва: ОГИ, 2009. – 544 с.
12. **Каяниди, Л. Г.** Восточнославянские сказки о превращениях: семиотические, нарративные и жанровые парадоксы / Л. Г. Каяниди // Вестник славянских культур. – 2017. – Т. 46. – С. 132–144.
13. **Каяниди, Л. Г.** Структурно-семантическая типология метаморфозно-орнитологического сюжета восточнославянской сказки (СУС 425М) / Л. Г. Каяниди // Фольклор: структура, типология, семиотика. – 2020. – Т.3. – №1. – С. 56–93.

14. Молдавский, Д. М. Русская сатирическая сказка / Д. М. Молдавский. – Москва: Государственное Изд-во Художественной Литературы, 1958. – 404 с.

15. Неклюдов, С. Ю. Золотое блюдо и рыбий смех: опыт семантического анализа мотивов / С. Ю. Неклюдов // Фольклор: структура, типология, семиотика. – 2023 [а]. – Т. 6 – № 2. – С. 12–48.

16. Неклюдов, С. Ю. Сказочный сюжет как продукт литературно-фольклорного синтеза: казус AaTh 485A / С. Ю. Неклюдов // Шаги/Steps. – 2023[b]. – Т. 9. – № 3. – С. 30–86.

17. Никифоров, А. И. Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. Пропп В.Я. – Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 387 с.

18. Пономаренко, В. С. Семантика и функции деревьев в севернорусских сказках / В. С. Пономаренко // Смоленский филологический сборник. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2023. – Вып. XV. Ч. I. – С. 4–13.

19. Пропп, В. Я. Русские аграрные праздники / В. Я. Пропп. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 256 с.

20. Словарь русских народных говоров. Вып. 9 / Под ред. Ф. П. Филина. – Ленинград: Наука, 1972. – 364 с.

21. Смирнов, А. М. Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Вып. II / А. М. Смирнов. – Петроград: Типография Российской Академии Наук, 1917. – т. XLIV. – 506 с.

22. Соколовы, Б. М. и Ю. М. Сказки Белозерского края / Б. М. и Ю. М. Соколовы. – Архангельск: Сев.-Зап. книжное изд-во, 1981. – 335 с.

23. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/sus/index.htm> (02.03.2023).

24. Усачева, В. В. Гроб / В. В. Усачева // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 1: А (Август) – Г (Гусь) // Под общей ред. Н. И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 1995. – С. 553–558.

25. Флоренский, П. А. Иконостас: избранные труды по искусству / П. А. Флоренский. – Санкт-Петербург: Мифрил, Русская книга, 1993. – 365 с.

26. Фрезер, Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Т. 1 / Дж. Фрезер. – Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – 528 с.

27. Шейн, П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и пт.п. Т. I. Вып. 1 / П. В. Шейн. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1898. – 376 с.

28. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. II / П. В. Шейн. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1893. – 715 с.

29. Бераснявічус, Г. Вырай: паняцце пра пасмяротнае жыццё ў старалітоўскім светапоглядзе / Гінтарас Бераснявічус. – Смаленск: Інбелкульт, 2020. – 191 с.

30. Швед, І. А. Беларуская міфалогія: вучэбны дапаможнік. У 2 ч. Ч. 1. Касмалогія / І. А. Швед. – Мінск: РІВШ, 2022. – 260 с.

REFERENCES

1. Agapkina, T. A. *Derev'ia v slavianskoi narodnoi traditsii: Ocherki* / T. A. Agapkina. – Moskva: Indrik, 2019. – 656 с.

2. Berezkin, E. Iu. *Tematicheskaiia klassifikatsiia i raspredelenie fol'klornomifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog* / E. Iu. Berezkin, E. N. Duvakin. – URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (29. 12. 2023).

3. Dobrovol'skaia, V. E. *Siuzhet «Dukh v golubom svete» v russkoi skazochnoi traditsii: mezhdru fol'klornoi skazkoi i avtorskim tvorchestvom* / V. E. Dobrovol'skaia // *Problemy istoricheskoi poetiki*. – 2022. – Т. 20. – № 2. – S. 113–136.

4. Dobrovol'skaia, V. E. *Siuzhet ATU 510V «Reau d'asne» / SUS 510 V «Svinoi chekhol» v russkoi skazochnoi traditsii* / V. E. Dobrovol'skaia // *Traditsionnaia kul'tura*. – 2019. – Т. 20. – №1. – S. 20–30.

5. Florenskii, P. A. *Ikonostas: izbrannye trudy po iskusstvu* / P. A. Florenskii. – Sankt-Peterburg: Mifril, Russkaia kniga, 1993. – 365 s.

6. Frezer, Dzh. *Zolotaia vetv': Issledovanie magii i religii. T. 1* / Dzh. Frezer. – Moskva: TERRA – Knizhnyi klub, 2001. – 528 s.

7. Gura, A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* / A. V. Gura. – Moskva: Indrik, 1997. – 912 s.

8. Gura, A. V. *Ulei* / A. V. Gura // *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5 t. T. 5 / Pod obshchei red. N. I. Tolstogo*. – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2012. – S. 364–367.

9. Gura, V. V. *Skazki. Pesni. Chastushki Vologodskogo kraia* / V. V. Gura. – 1965. – № 34 (Skazka pro okhotu). – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/ska/zky/pes/nyc/has/tus/hky/17.htm#74> (28. 12. 2023).

10. Ivanitskii, N. A. *Materialy po etnografii Vologodskoi gubernii* / N. A. Ivanitskii // *Sbornik svedeniia dlia izucheniia byta krest'ianskogo naseleniia Rossii / Pod redaktsiei N. Kharuzina*. – Moskva: Tipografiia A. Levenson, 1890. – II, [4], 234, 12, [2] s.

11. Kaianidi, L. G. *Vostochnoslavianskie skazki o prevrashcheniakh: semioticheskie, narrativnye i zhanrovye paradoksy* / L. G. Kaianidi // *Vestnik slavianskikh kul'tur*. – 2017. – Т. 46. – S. 132–144.

12. Kaianidi, L. G. *Strukturno-semanticheskaiia tipologiia metamorfoznoornitologicheskogo siuzheta vostochnoslavianskoi skazki (SUS 425M)* / L. G. Kaianidi // *Fol'klor: struktura, tipologiia, semiotika*. – 2020. – Т. 3. – № 1. – S. 56–93.

13. Karnaukhova, I. V. Skazki i predaniia Severnogo kraia / V zapisiakh I. V. Karnaukhovoi, Vstupit. stat'ia T. G. Ivanovoi. – Moskva: OGI, 2009. – 544 s.

14. Moldavskii, D. M. Russkaia satiricheskaia skazka / D. M. Moldavskii. – Moskva: Gosudarstvennoe Izd-vo Khudozhestvennoi Literatury, 1958. – 404 s.

15. Nekliudov, S. Iu. Skazochnyi siuzhet kak produkt literaturno-fol'klornogo sinteza: kazus AaTh 485A / S. Iu. Nekliudov // Shagi/Steps. – 2023[b]. – T.9. – № 3. – S. 30–86.

16. Nekliudov, S. Iu. Zolotoe bliudo i rybii smekh: opyt semanticheskogo analiza motivov / S. Iu. Nekliudov // Fol'klor: struktura, tipologii, semiotika. – 2023 [a]. – T. 6. – № 2. – S. 12–48.

17. Nikiforov, A. I. Severnorusskie skazki v zapisiakh A. I. Nikiforova / Izd. podgot. Propp V. Ia. – Moskva; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961. – 387 s.

18. Ponomarenko, V. S. Semantika i funktsii derev'ev v severnorusskikh skazkakh / V. S. Ponomarenko // Smolenskii filologicheskii sbornik. – Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2023. – Vyp. XV. Ch. I. – S. 4–13.

19. Propp, V. Ia. Russkie agrarnye prazdniki / V. Ia. Propp. – Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021. – 256 s.

20. Shved, I. A. Belarusskaia mifalogiia: vuchebny dapamozhnik. U 2 ch. Ch. 1. Kasmalogiia / I. A. Shved. – Minsk: RIVSh, 2022. – 260 s.

21. Shein, P. V. Materialy dlia izucheniia byta i iazyka russkogo naseleniia Severo-Zapadnogo kraia, sobrannye i privedennye v poriadok P. V. Sheinom. T. II / P. V. Shein. – Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1893. – 715 s.

22. Shein, P. V. Velikoruss v svoikh pesniakh, obriadakh, obychaiakh, skazkakh, legendakh i pt. p. T. I. Vyp. 1 / P. V. Shein. – Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1898. – 376 s.

23. Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 9 / Pod red. F. P. Filina. – Leningrad: Nauka, 1972. – 364 s.

23. Smirnov, A. M. Sbornik velikorusskikh skazok arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vyp. II / A. M. Smirnov. – Petrograd: Tipografiia Rossiiskoi Akademii Nauk, 1917. – t. XLIV. – 506 s.

24. Sokolovy, B. M. i Iu. M. Skazki Belozerskogo kraia / B. M. i Iu. M. Sokolovy. – Arkhangel'sk: Sev.-Zap. kn. izd-vo, 1981. – 335 s.

25. Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov: Vostochnoslavianskaia skazka / Sost. L. G. Barag, I. P. Berezovskii, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. – URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/sus/index.htm> (02.03.2023).

26. Usacheva, V. V. Grob // Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5t. T. 1: A (Avgust) – G (Gus') // Pod obshchei red. N. I. Tolstogo. – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995. – S. 553–558.

27. Zelenin, D. K. Velikorusskie skazki Viatskoi gubernii / D. K. Zelenin. – Petrograd: Tip. A. V. Orlova, 1915. XLIV. – 640 s.

28. Zelenin, D. K. Izbrannye trudy. Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'iu i rusalki. – Moskva: Indrik, 1995. – 432 s.

29. Бераснявічус, Г. Вырай: паняцце пра пасмяротнае жыццё ў старалітоўскім светапоглядзе / Гінтарас Бераснявічус. – Смаленск: Інбелкульт, 2020. – 191 с.

30. Швед, І. А. Беларуская міфалогія: вучэбны дапаможнік. У 2 ч. Ч. 1. Касмалогія / І. А. Швед. – Мінск: РІВШ, 2022. – 260 с.